

УДК 1(091)

СИСТЕМА ПРОИЗВОДСТВА СОВРЕМЕННОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ В ПЕРСПЕКТИВЕ ПОСТМОДЕРНИЗМА

В.В. Шиканова

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье показано, каким образом искусство обретает новую трактовку в постмодернистской мысли. Отмечается, что в культурном срезе постмодернизма оно выступает как род социально-культурной практики, реализующая принцип децентризма. Новые виды искусства предстают репрезентантами культурных идеалов. Индивид, находясь в эклектичном пространстве, вовлечен в процесс конституирования личности как эфемерной сущности, регулируемой незримым кодом сигнификации. Таким образом, аннулируется понятие о непреложности законов, причинно-следственные связи выводятся социальными общностями в собственной логической системе. Имеет место пересмотр взаимодействия Субъекта и Объекта познания, связанный с процессами идеалообразования в культуре.

Ключевые слова: *деиерархизация культуры, код сигнификации, персонализация, симулякр, Метатекст.*

В социальной теории термин «постмодернизм» и производные от него понятия стали использоваться с 70-х гг. XX в. для характеристики постсовременной исторической эпохи, отличающейся особым культурным контекстом, в рамках которого протекают социальные процессы. В их числе глобализация социального пространства, массовая миграция, рост потребления, интенсификация образа жизни, утрата традиционных ценностей, изменение моделей семьи и роли женщин.

Среди современных мыслителей, стоящих на постмодернистских позициях, т. е., считающих, что общество модерна сменила принципиально отличная от него общественная реальность – постмодерн, – Ж. Бодрийяр, Ж. Делез, Ф. Джеймисон, Л. Николсон, З. Бауман. Широкую известность приобрели ведущие теоретики постмодернизма – Ж. Деррида, Ж.-Ф. Лиотар, М. Фуко и др. Сам термин «постмодернизм» стал широко применяться с 1979 г., когда вышла книга французского философа Ж.-Ф. Лиотара «Состояние постмодерна».

Современное общество находится в состоянии аномии, дезинтеграции и нестабильности. Это связывают с тем, что общезначимые классические идеалы перестают играть роль фундаментального основания восприятия действительности. Получаемые человеком выводы начинают носить локальный характер, и репрезентация также становится частной, ситуативной. Человек больше не может быть соотнесен с образом Субъекта как активно действующего или подлежащего мира. Способы осуществления Субъекта в мире теперь не обусловлены его принадлежностью к всеобщему, а выражены контекстом потребления. По-

добное положение вещей создает особый способ восприятия мира, отражаемый в дискретном, эклектичном производстве культуры.

Проблема потребления культуры не связана ни с собственно культурным содержанием, ни с публикой, именуемой «культурной». Существенным является не то, что только несколько тысяч или миллионы захвачены в этот процесс, а то, что культура становится лишь эфемерным знаком, потому что произведена, обдуманно или нет, в том ритме, который сегодня является универсальным ритмом производства, – в ритме цикла и повторной обработки. Культура больше не создается для длительного существования. Основное содержание продуктов культуры в постмодерне в полной мере может быть осознано с точки зрения моделирования целостности человеческого бытия на всех его уровнях: индивидуальном, социальном, космическом. Тем не менее технология этого моделирования, импульсы к нему продуцируются путем отказа от какой-либо формы насилия, через утверждение бесконечного разнообразия отношения человека к миру, себе, другим людям не только в количественном отношении, но и в актуально-качественном [9].

Постмодернистское видение культуры – кульминация либерального мировоззрения, реализованного по отношению к наличному и потенциальному состоянию бытия человека в мире. Особенности постмодернистского идеалообразования, специфика достижения социальной целостности в культурном проекте постмодернизма заключаются в достижении социальной целостности парадоксальным на первый взгляд превращением эгоцентрического содержания в космоцентрическое. Изначальное состояние индивидуального психического хаоса постмодерна объявляется законосообразным ввиду аннулирования самого понятия закона. Но при детализации оказывается, что, подобно древним мифологиям, где космогония и космология оказываются тождественными эмбриологии человека, постмодернизм утверждает многообразие человеческих потенциальностей универсальным полем культуры, отказ же от множественности с точки зрения постмодернизма ведет к насилию и установлению тоталитарных режимов.

Взгляд на культуру как образование идеала исходит из того факта, что не существует непосредственного отношения человека ни к другим людям, ни к вещам естественного мира, ни к артефактам мира искусственного. Между субъектом и объектом всегда встраивается идеал-посредник [9].

Как замечает Бодрийяр, даже в науке Объект предстает как все более неуловимый, неразделимый внутри и, таким образом, недоступный анализу, извечно переменчивый, обратимый, ироничный, обманчивый, развлекающийся всевозможными манипуляциями. Субъект безнадежно пытается следовать за ним, принося в жертву постулаты науки, но Объект нельзя постигнуть даже ценой жертвы научного разума. Он являет собой неразрешимую загадку, поскольку не является самим со-

бой и не в состоянии постичь самого себя. Он создает препятствия для какого-либо понимания. Его сила и самостоятельность состоит в отчужденности от собственной сути. Первое движение, совершенное цивилизацией, вероятно, заключалось в том, чтобы протянуть ему зеркало, но в этом зеркале он отражается только внешне, в действительности же он – сам по себе зеркало, именно то зеркало, глядя в которое субъект обнаруживает лишь собственные иллюзии [3, с. 254–255].

Взаимодействие индивида с вещью, Объектом носит характер диалога Я с Текстом, а что есть Я как не текстуальность?! Множественность отсылок, Метанарратив, лонгитюдная дискурсивность. Смерть Автора предполагает смерть Я как растворение в Метатексте, где личность есть лишь фрагмент текста, набор ссылок.

Наиболее полно две стороны субъект-объектного культурного отношения, а также содержание самого отношения проявляются в таком идеале-репрезентанте, которым является произведение искусства. Изначальная задача, которую реализует произведение искусства, – выступить репрезентантом-посредником между человеком (сначала создателем произведения искусства, а затем воспринимающим данное произведение) и вещами, наполняющими внешнюю и внутреннюю реальности. Именно в произведении искусства максимально полно концентрируются идеалы данного типа культуры.

Теория визуального мышления, где произведение искусства рассматривается как целостность материального и нематериального измерений, воплощающая чувственное явление идеи, позволяет судить о художественности произведений культуры достаточно точно. Более того, анализ тех произведений искусства, которые относятся к шедеврам, позволяет в полном объеме раскрыть заключенные в шедевре идеалы той или иной культуры, выступающие репрезентантами специфического культурного отношения.

Индивид становится зеркалом, вовлеченным в игру симулякров, которым управляет незримо код сигнификации. Восприятие его ограничивается набором символов и знаков, которым располагает индивид, поэтому эклектичное искусство существует и воспринимается каждым по степени его вовлеченности в Метатекст, являющийся своего рода диалогом продуцента предмета культуры и рецепиента, воспринимающего последний. Разговор становится очевиден только в момент обращения к предмету-идеалу, стирающему субъектно-объектные противоречия своим существованием в качестве резервуара коннотаций и денотаций.

Н.Б. Маньковская отмечает онтологическую особенность трактовки искусства в качестве особенности постмодернистской эстетики. Она отличается от классической открытостью, ориентацией на непознаваемое, неопределенное. Разрушается система символических противоположностей, стирается грань между бинарными оппозициями реальное–воображаемое, оригинальное–вторичное, естественное–

искусственное. Субъект, являясь центром системы представлений и источником творческого начала рассеивается, уступая место бессознательным структурам, анонимным импульсам либидо, автоматизации желаемого производства. Утверждается «экуменически-безличное» понимание искусства как единого бесконечного текста, созданного совокупным творцом [6, с. 330].

Конкретику в содержание базового идеала культуры постмодерна вносит освещение художественных стилей и направлений постмодерна. Среди них наиболее яркими репрезентантами культурного проекта постмодернизма выступают ready-made, Pop-art, кинетическое искусство, op-art, концептуальное искусство, body-art, энвайронмент, флуксус, гиперреализм и некоторые другие. В качестве базового идеала постмодернизма, как он представлен в его художественном измерении, выступает эклектизм, проявленный через многообразие, социальное, космическое, личностное единство, реализуемое через радикальные различия. Культурные смыслы дифференцируются внутри культурного поля, и каждая группа смыслов неразрывно связана с особым языком культуры, который в постмодернистской культуре обладает собственным содержанием, априори определяющим этим смыслы и ценности.

Искусство в культурной перспективе постмодернизма выступает как одна из форм социально-культурной практики. Реализуя принцип децентризма, постмодернизм утверждает, что это одна из многих возможных форм социальной практики. Несмотря на это, именно в искусстве постмодерна явственнее всего проявляются так называемые методики моделирования новой реальности, характерные для парадигмы постмодернизма.

В культурном поле постмодернизма, несмотря на локальность контекста того или иного культурного действия, можно выделить новые виды искусства, выступающие наиболее яркими репрезентантами культурных идеалов постмодернизма. Одно из первых мест в художественной культуре постмодернизма занимает искусство фотографии. Сегодня не существует четких критериев, с помощью которых документальное фотографическое изображение отличается от фотографического произведения искусства. Нет также однозначных критериев для характеристики произведения культуры или искусства как постмодернистского. Возникают разночтения. Анализируя художественную литературу, Э. Смит приходит к выводу, что «постмодернизм должен быть понят как условия чтения» [1, р. 11] – не более того. Таким образом, восприятие произведения как постмодернистского зависит лишь от желания или нежелания читателя.

Эпоха постмодерна характеризуется плюрализмом культур, течений, мнений, но выражающим себя не через синтез, а как эклектичное сосуществование разнородных элементов. В мире постмодернизма происходит деиерархизация культуры, стирание границ между центром и

периферией, между создателем ценностей и их потребителем. Постмодернизм пытается сочетать современные ценности с классическими, но на новом этапе, когда эти ценности уже утрачивают свои глубинные связи с ментальностью культуры [7]. Подвергается критике картезианство, ставится под сомнение вообще идея рациональности. Опасность, о которой говорил еще Декарт, стала реальностью – истина релятивизировалась. Старое разделение мира на объективный ход событий в пространстве и времени, с одной стороны, и душу, в которой отражаются эти события – с другой, иначе говоря, картезианское различие *res cogitans* и *res extensa* уже не может служить отправной точкой в понимании современной науки [4, с. 300–301].

Сегодня ошутимы некоторые противоречия, касающиеся феномена потребления, наиболее явно они выражаются в вариативности, описывающей данное явление лексики, в постоянном стремлении к эклектичному синтезу. Возможно ли обнаружить свою личность тому, кто уже существует? И где находитесь вы, пока эта персональная личность вас ищет? Если же вы являетесь самим собой, нужно ли этому еще какое-то подтверждение? Или, если вы себя «настоящего» не ощущаете, поспособствует ли обретению «себя» какая бы то ни было вещь, чтобы оказаться в гармонии с собой?! Какое сообщение несёт в себе вещь, претендующая на придание вам «натуральности»? Обретёт ли индивид, обладая ей, самость? Если вы уже являетесь самим собой, как возможно быть еще «более естественным»?

Таким образом, возникает мнимый процесс удвоения самости некоей ценностью, добавленной к уже существующему индивиду под видом прибавочной стоимости. Эта «сверхразумная» формула персонализации самости в личность выражает конец слова «история». То, о чём говорит вся эта риторика, которая бьётся в невозможности высказать подразумеваемое, это именно то, что никто не существует. «Личность» в качестве абсолютной ценности, с её характерными чертами и особым значением, такая, какой ее выковала вся западная традиция в мифе о Субъекте, с его страстями, волей, характером или его банальностью, эта личность отсутствует, она мертва, устранена из современной функциональной вселенной. Потребность в персонализации испытывает как раз эта утерянная личность, эта отсутствующая инстанция. Именно это эфемерное существо собирается вновь конституироваться в абстракции при помощи знаков, умноженного набора отличий, собранных, чтобы реконструировать синтезированную индивидуальность, а в основном чтобы разрушить её в тотальной анонимности, потому что различие является тем, что не имеет имени. Эта формула кажется абсурдной, так как монополия и различие логически несовместимы. Если они могут быть соединены, то именно потому, что различия при этом не существуют и что вместо того, чтобы отдельно обозначить существо, они, на-

против, свидетельствуют о его покорности норме, о его интеграции в подвижную систему ценностей.

В персонализации существует эффект, подобный эффекту «натурализации», который можно обнаружить всюду при воздействии на окружающую среду, состоящий в стремлении восстановить природу как символ, после того как она уничтожена в действительности [2, с. 120]. Логика персонализации та же самая: она одновременно является натурализацией, функционализацией, культурализацией и т. д. Общий процесс определяется исторически: монополистическая индустриальная концентрация, нивелируя существующие различия между людьми, делает однородными личности и продукты и в то же время провозглашает царство дифференциации. Представляется возможным провести параллель с религиозными и социальными движениями: именно вследствие утраты их реального значения устанавливаются церкви и институты. Здесь также именно вследствие утраты различий устанавливается культ различия. В комбинаторной персональности присутствует эхо комбинаторной культуры. Так же как последняя заключалась в коллективной разработке с помощью СМИ – НОК (наименьшей общей культуры), таким же образом сущность персонализации – в повседневной разработке НМР (наименьшего маргинального различия), а именно в поиске мелких качественных различий, через которые проявляются стиль и статус.

НОК задает минимальный набор «правильных ответов», которым, как предполагается, владеет средний индивид, с целью получить свидетельство «культурного гражданства». НОК существует, чтобы предохранить культуру от риска и на основе отказа от живой культуры прославлять ритуализованные знаки культурации [2, с. 137]. НОК, являясь механическим механизмом готовых вариантов ответа, обладает определённым сходством со «школьной культурой». В основе этих игр лежит принцип экзаменации. Бодрийяр говорит о наличии в современном обществе сильного стремления к экзаменации – двойной, так как каждый имеет возможность быть экзаменуемым, выступая при этом и как экзаменатор, как судья (как часть публики) [2, с. 137]. С точки зрения М. Фуко, экзамен преобразует экономию видимости в отправление власти. Экзамен представляет собой «метод, с помощью которого власть, вместо того чтобы производить знаки своей мощи, вместо того чтобы пометать подданных своим клеймом, втягивает их в механизм объективации. В этом пространстве господства дисциплинарная власть по существу проявляет свою мощь, главным образом посредством упорядочения объектов. Экзамен – своеобразная церемония объективации» [10].

Но субъект в постмодерне следует фатальной стратегии, соблазняясь объектом, перенимая его линию поведения с целью ликвидации оппозиций и дихотомий. Постмодернистская эстетика соблазна символизирует собой победу иллюзии над метафорой, чреватую нарастанием хаоса в культуре, эклектикой.

Персонализация, стремление к повышению статусной позиции и высокому уровню благосостояния, основывается на знаках, т. е. не на вещах или благах самих по себе, а на различиях. Только это позволяет объяснить парадокс престижной сверхдифференциации, которая проявляется отныне не только через хвастовство, по Веблену – «conspicuous», но через скромность, строгость, стуже́вывание, всегда свидетельствующих о ещё большей роскоши, об увеличении хвастовства, переходящего в свою противоположность, и, значит, о ещё более тонком различии. Сам термин «conspicuous» был внедрён Вебленом для характеристики процесса современного потребления. Веблен высказывает предположение, что некоторые виды потребления осуществляются не столько из-за полезности товаров или услуг, сколько напоказ, т. е. ради демонстрации социального статуса [8].

Функционал системы дифференциации выходит далеко за рамки удовлетворения потребностей в престиже. Система никогда не основывается на реальных (единичных, несводимых друг к другу) различиях между личностями. Как систему ее основывает именно то, что она исключает собственное содержание, собственное бытие каждого (подразумевается, различное) и заменяет его дифференцирующей формой, становящейся объектом индустрии и коммерции как различительный знак. Система исключает всякое оригинальное качество, удерживая только различительную схему и её систематическое производство. На этом уровне различия более не имеют исключительного характера, они не только логически сочетаются между собой в комбинаторике моды (как различные цвета «играют» от близости друг друга), но сочетаются и социологически: именно обмен различиями скрепляет интеграцию группы. Закодированные таким образом различия далеко не разделяют индивидов, а становятся, напротив, материалом для обмена.

Таким образом, можно заключить, что постоянные изменения, ставшие привычной и неотъемлемой частью современного общества, закономерно стали причиной формирования новых философских теорий, фрагментарная направленность которых кардинально отличает их от классических парадигм. Постмодернистская культура становится эфемерным знаком, подчиняясь ставшему универсальным ритму производства [5]. С позиции постмодернизма культура предстаёт апогеем либерального мировоззрения. Постмодернизм является в философском и эстетическом смысле кардинальным сдвигом, вызванным прежде всего выведением причинно-следственных связей социальными общностями в своей собственной логической системе, отстранением от собственной субъективности. Аннулируется само понятие о непреложных законах, утверждается вариативность человеческих потенций в универсальном поле культуры. Идеалы локальных культур наиболее полно репрезентируются в произведениях искусства. Превалирует понимание искусства как безличного единого бесконечного текста, созданного совокупным

творцом. Возникает новый подход к вопросу о взаимодействии Субъекта и Объекта в познании, тесно связанный с процессами идеалообразования в культуре. Происходит искусственный процесс удвоения самости индивида некой внешней добавленной ценностью, т. е. персонализация самости в некую абстрактную «личность». Субъект не утрачивается, а заменяется эфемерным. Онтологическое значение Субъекта заменяется символическим. Привычное понимание Субъекта как реального, покоящегося на всеобщем, не может быть соотнесено с единственно возможным содержанием субъектного. Смысл эфемерности субъектности по сути не является уничтожением всех возможных связей человека с миром, а переструктурирует отношения между ними так, что прежний Субъект получает принципиально новое содержание.

Список литературы

1. Smyth E. Introduction// Postmodernism and Contemporary Fiction. London: V.T-Batsford Ltd., 1991.
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Культурная революция; Республика, 2006. 269 с.
3. Бодрийяр Ж. Объект как странный аттрактор / Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. 4-е изд. М.: Добросвет, Издательство КДУ, 2012. 389 с.
4. Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М.: Прогресс, 1987. 368 с.
5. Губман Б.Л. Универсализм философского знания и многообразие культурных миров // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Философия. 2012. № 1–2. С. 5–21.
6. Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма. СПб.: Алтейя, 2000. 347 с.
7. Актуальные проблемы культуры XX века [Электронный ресурс] // url:<http://www.letopisi.ru>
8. Большой толковый социологический словарь [Текст]: (Collins):Рус.-англ., англ.-рус. / сост. Дэвид Джери, Джулия Джери; пер. с англ. Н.Н. Марчук [Электронный ресурс] // url:http://sociolog.in.ua/view_slovo.php?id=278
9. Снетков А. А. Искусство экспериментальной фотографии в культуре постмодерна: автореф. дис. ... кандидат культурологии / Кемерово: РГТЭУ, 2003. [Электронный ресурс] // url:<http://www.dissercat.com/content/iskusstvo-eksperimentalnoi-fotografii-v-kulture-postmoderna>
10. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы (Электронный ресурс) // url:<http://readr.ru/mishel-fuko-nadzirat-i-nakazivat-roghdenie-tyurmi.html>

**PRODUCTION SYSTEM OF CONTEMPORARY SPIRITUAL
CULTURE IN THE POSTMODERN PERSPECTIVE**

V.V. Shikanova

Tver State University, Tver

The article examines the way art finds its new interpretation in the postmodern thought. In the postmodern culture perspective, it appears as a social and cultural practice representing the decentrism principle. New forms of art look like cultural ideals representatives. Existing in an eclectic space, an individual is involved in the process of personal constitution as an ephemeral entity controlled by the invisible code of signification. Thus, the concept of the necessary laws is annulled, and the cause and effect relations are introduced in social communities in their own logical systems. There is a revision of subject and object interaction based on the process of ideal creation in culture.

Keywords: *dehierarchization of culture, code of signification, personalization, simulacrum, Meta-text.*

Об авторе:

ШИКАНОВА Виктория Валерьевна – аспирантка кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: vitamortecarent@mail.ru

Author information:

SHIKANOVA Viktoria Valerievna – Ph.D. student at the Dept. of Philosophy and Cultural Theory, Tver State University, Russia. E-mail: vitamortecarent@mail.ru